

Года три назад довольно чуткий специалист по маркетингу Филипп Киркоров говорил композиторам: «Ребята, сейчас пора делать мюзикл! Самая лучшая тема — жизнь Петра Первого, потому что я на него очень похож!».

Петру Алексеевичу Романову пока не повезло, но уже второй год на Москву, как из рога изобилия, сыпятся мюзиклы, причем каждый заявляет о себе, как «первый настоящий мюзикл бродвейского типа». Мало кто знает, что в каждом из этих спектаклей играют актеры, воспитанные театром «Летучая мышь»... Руководил этим театром уникальный режиссер Григорий Гурвич, более известный стране как ведущий «Старой квартиры». Настоящий мюзикл был его мечтой, и «Великая иллюзия», поставленная им четыре года назад, представляла собой наиболее удачную попытку приближения к идеалу.

Случилось так, что это была его последняя работа. Обо всем, что предшествовало и сопутствовало «Великой иллюзии», — наш разговор с Любой Гурвич, его другом и соратником в течение последних двадцати лет...

— Люба, тогда, летом 99-го, когда мы виделись на юбилее у Герчакова, тебе уже все было ясно?

— Мне все было ясно с самого начала, когда я услышала диагноз. Паники мы, правда, не поднимали, но нужно было собрать 200 000 долларов, причем практически за один день, ты же представляешь, что это такое? Мне тогда очень помогли друзья: Малкин, Барщевский... 150 000 дал Владимир Гусинский.

— Своих личных?

— Не знаю, я квитанций как-то не просила.

— Вы с ним дружили?

— Мы же с ним в ГИТИСе учились одновременно, знакомы были, но дружить это не называлось. Ему Витя Шендерович позвонил. Правда, операция не помогла, но мы старались. Это было очень тяжелое время, но у нас ничего не было просто, и я всегда знала, что живу с человеком, которому стоит помогать. Гриша был счастливым человеком, он рано ушел, но все успел, даже госпремию получил при жизни, увидел много стран, был «павлином», красиво одевался. В последние годы имел хорошую машину, дом... Знаешь, многие думали, что ему все легко дается, но и у него не все было хорошо. У Гриши, между прочим, в свое время пять спектаклей запретили!

— Я не знал... А какие?

— Сначала дипломный спектакль «Дневник обыкновенной девушки». Жила такая Нина Костерина, она

повторила подвиг Космодемьянской, еще отец у нее был репрессирован, в общем, нормальная советская история. Потом мы, кстати, познакомились с ее родственниками. Как ни странно, они с Гришей раньше жили на одной улице в Баку. На премьере спектакля была ее подруга. А запретил спектакль Гончаров, шел 1986 год, он чего-то испугался. Потом артисты потребовали вернуть: Гундарева, Костомаровский, Виторган... Вернули, но потом все равно закрыли, потому что Яшин поставил «Завтра была война» и Гончаров не мог стерпеть два спектакля практически на одну тему. Мария Осиповна Кнебель уже умерла, и Гриша — краснотелом! — на год остался без диплома вообще. Потом был Театр Райкина. Гриша там работал, написал пьесу, начал ставить, но Аркадий Исаакович умер, а Костя спектакль закрыл. Еще закрыли спектакль у Владимира Винокура, все там было классно, но, видимо, Володе было просто лень работать над крупной формой... шутки «ниже пояса» даются легче и проходят лучше. Потом еще была парочка закрытых спектаклей...

— Но ведь он умудрился открыть свой театр тогда, когда это было практически невозможно!

— Повезло. Тогда он случайно зашел в родной Дом актера, еще на Горького, и встретил, светлой памяти, Лешу Бельского, который любил Гришины «капустни-

ки». Они тогда посидели, Гриша рассказал про старый театр-кабаре «Летучая мышь» Никиты Балиева, про свою идею возродить его. Бельскому понравилось, он тоже загорелся и дал денег. На год. Потом мы уговорили Исаева, ректора ГИТИСа, чтобы он пустил нас в помещение учебного театра ГИТИСа, именно там раньше был балиевский театр. В общем, мы стали делить это помещение с ними, такой своеобразный «тайм-шер»... Это, знаешь, тоже было сложно, ведь дом-то непростой. Раньше, в 20-х, в этом доме была мастерская Фалька, там жили актеры, потом люди в форме их посажали и квартиры заняли. А потом перетасовка прошла еще раз: поселились те, кто в 37-м расстреливал тех, кто арестовывал этих... Ну, в общем, пробили мы это все, несмотря на то, что секретарь домовой парторганизации там до сих пор ходит в форме. Они потом письма писали во все инстанции: мол, там у нас «негры, проститутки и пьяная матросня». Слово «кабаре» они понимали только так. Потом мы все-таки открылись. Спектакль назывался «Чтение новой пьесы». Фурор был такой, что вся Москва к нам несколько лет на этот спектакль ломилась. Это был 89-й год. Странно: мы совершенно случайно открылись именно 13 марта, день в день через 80 лет с балиевской «Летучей мышью»...

— А я помню этот день. 13 марта вы обычно отмечали свой День театра, и, когда я ухитрился попасть в число друзей «Летучей мыши», на ваших «капустниках» у меня от смеха буквально случались судороги! В первый год без Гурвича, по-моему, тоже что-то было, вы пытались сохранить атмосферу, а в этом году что-нибудь происходило?

— Нет. Ничего не было. За год до Гришиного ухода мы переехали в здание Театра киноактера. Многие говорят, зря переехали, но по-прежнему «Вели-

кую иллюзию» в старом помещении было просто невозможно. Новое помещение мы тоже были вынуждены делить, причем сразу с несколькими конторами. Ресторан, бильярдная, клуб и, собственно, сам Театр киноактера. Они очень многим свои помещения сдавали, жить-то надо, а спектаклей нет... одно время там даже был «гей-клуб». Еще при Грише они очень сильно испугались, что такую кормушку у них отнимут, а когда Гриша умер, они активизировались. Когда нас оттуда выгнали, мы какое-то время жили в «Космосе», играли там довольно успешно, мные залы собирали, но потом наши декорации и там стали мешать... Везде и всем мы почему-то мешали, особенно после Гриши. Но он же не думал из этой жизни уходить, когда ставил «Великую иллюзию», настоящий большой мюзикл... декора-

что сам жанр диктует свои законы! Мюзикл — это действо о красивых и гармоничных людях, хорошо одетых, имеющих определенные манеры! Кроме того, что главное у Каверина? Умение русских женщин ждать, а мужчин — добиваться цели. В постановке ни одна из этих линий не доведена до конца. Ну не мюзикл это! Это романс, бардовская песня, все что угодно, но не мюзикл! Ребята хорошие, их в Лондоне попытались научить, как ставится мюзикл, но научиться этому нельзя... Научиться можно, но не всем.

— Если мюзикл должен быть шикарен и красив, то этично ли вообще сейчас в России делать подобную работу?

— Думаю, да. Просто нужно постараться обойтись без пошлости. Это, конечно, очень сложно, но кто говорил, что театр — это легко?

— А что такое пошлость?

О Григории Гурвиче, закрытом театре и российских мюзиклах

Люба ГУРВИЧ:

ЕГО ЗАМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ

ции к ней были такими огромными, что их нельзя было постоянно собирать-разбирать. Мы несколько раз попробовали, а потом поняли, что это просто опасно. А потом стало ясно, что Гришу заменить не может никто. Не мне, а театру. Даже страшно. И я закрыла театр.

— Скажу честно: и я сам, и многие наши общие знакомые после «Великой иллюзии» говорили об этой работе словами из «Гнезда кукушки», мол, он-то хоть попытался. В том смысле, что при всей доброжелательности к театру и к Гурвичу все-таки нельзя было сказать, что действие идет «на бродвейском уровне». Но вот прошло три года, я посмотрел практически все из того, что сегодня называют мюзиклами, и могу сказать с полной ответственностью: они хуже. А почему, а?

— Могу ответить. Впервые, для работы в мюзикле нужна особая актерская подготовка, лет с десяти. Нашей первой пробой в этом жанре был «Шоу-бизнес». Так вот Гриша к ней шел семь лет. Он подбирал состав, менял актеров. Все время был ими недоволен... Он говорил, что у нас есть прекрасные солисты, а нужен АНСАМБЛЬ! Подготовки актеров для ансамбля у нас нет вообще, ни в одном вузе. Вот я сейчас попробую открыть для этого студию... Когда говорят, что Москва становится европейской столицей, потому что у нас появляются «Нотр-Дам» или «Чикаго», это — бред! Смешно слышать сегодня о «первом российском мюзикле», потому что первый уже двадцать лет назад был у Марка Захарова!

— Правильно ли я понимаю, что сегодняшняя ошибка «Норд-Оста» практически такая же, что и в операх «Зори здесь тихие», «Повесть о настоящем человеке», «Семен Котко», в балете «Красный мак»?

— Да. Не все можно петь, люди должны себе отдавать в этом отчет. Играть мюзикл в валенках и ватниках просто нельзя, потому

Сцена из спектакля театра «Летучая мышь»

— Сложный вопрос... Оскар Уайльд, кажется, сказал: «Пошлость — последнее прибежище тонких натур».

Вообще пошлость — это мировоззрение, то есть низкая культура, отношение к жизни как к чему-то утилитарному, низкопробному, сиюминутному... Когда сказать нечего, а удивить всех хочется, как, например, в спектакле «Вагина»... Так вот, если красивых людей и шикарную жизнь показывать интеллигентно, то это можно делать в наше время и в нашей стране.

● Сергей МИРОВ

Театр «Летучая мышь» покинул Москву во второй раз. Первый раз это случилось в 1920-м

Григорий Гурвич
Виталий Гурвич
Люба Гурвич

22.5.02